

С. Л. Попов,

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, м. Харьков

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ПЕРЦЕПТИВНО-АРГУМЕНТАЦИОННЫМ МЕТОДОМ: ПОКАЗАТЕЛИ ПАРТИТИВНОСТИ И ЦЕЛЬНОСТИ

У статті презентується застосування перцептивно-аргументаційного методу диференціації граматичних варіантів. Перевіряється достовірність традиційних аргументів, що диференціюють вживання таких варіантів. Використовуються поняття експліцитного та імпліцитного контекстів. Застосовується аргумент прямої емпіричної верифікації маркерів певної характеристики в експліцитних контекстах.

Ключові слова: *граматична варіантність, експліцитність/імпліцитність, сприйняття, аргументація, партитивність/цільність.*

В статье представляется применение перцептивно-аргументационного метода дифференциации грамматических вариантов. Проверяется достоверность традиционных аргументов, дифференцирующих употребление таких вариантов. Используются понятия эксплицитного и имплицитного контекстов. Применяется аргумент прямой эмпирической верификации маркеров определенной характеристики в эксплицитных контекстах.

Ключевые слова: *грамматическая вариантность, эксплицитность/имплицитность, восприятие, аргументация, партитивность/цельность.*

The article presents the application of perceptually-argumentation method of differentiation of grammatical variants. Reliability of the traditional arguments distinguishing between such variants is being tested. The concepts of explicit and implicit contexts are being used. The argument of direct empirical verification of certain characteristic markers in explicit contexts is being applied.

Key words: *grammatical variability, explicitness/implicitness, perception, reasoning, partitivity/integrity.*

Дифференциация грамматических вариантов – проблема непреходяще актуальная. Поскольку такая дифференциация никогда не имела своего, специфического для данной сферы грамматики метода (особенность этой сферы состоит в формальном сходстве и следующей из него смешиваемости таких вариантов) и потому нередко является следствием субъективности кодификаторской оценки [6, с. 55; 10, с. 576], мы предлагаем перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов (подробное его обоснование см. в [8]).

Целью настоящей статьи является демонстрация применения перцептивно-аргументационного метода дифференциации к русским морфологическим и синтаксическим вариантам, результатом чего является их дифференциация как показателей партитивности и цельности.

Данный метод, как явствует из его названия, в основном опирается на понятия восприятия и аргументации и предусматривает следующие действия.

Прежде всего проверяется и в случае необходимости уточняется достоверность традиционных аргументов, объясняющих узуальные особенности изучаемых грамматических вариантов. Согласно теории аргументации, из всех распространенных универсальных аргументов наиболее достоверными являются: из универсальных эмпирических – прямая эмпирическая верификация (ПЭВ), из универсальных теоретических – логическое обоснование (ЛО) [5, с. 22–28, 51–57]. Понятное объединение этих аргументов в один корректно признать идеальным аргументом. Абсолютной его противоположностью являются неуниверсальные аргументы к традиции и авторитету [5, с. 103–118], нередко применяемые и в ортологии.

ПЭВ семантических или стилистических характеристик исследуемых вариантов возможна при наличии в контексте соответствующих этим характеристикам маркеров (в примерах подчеркнуты): маркер определенной характеристики считается таковым, если он встречается только при одном из двух изучаемых вариантов.

Контекст, содержащий такие маркеры, корректно именовать эксплицитным, а контекст, таких маркеров не содержащий, – имплицитным. В эксплицитных контекстах наблюдаются дедуктивно доказательные, а в имплицитных индуктивно допускаемые примеры определенной семантической или стилистической характеристики. Такая индуктивная допустимость поддерживается отсутствием других признаков, по которым дифференцируются рассматриваемые варианты.

Аксиоматически бесспорно, что указанная дифференциация должна быть логичной. В соответствии с данными когнитивной психологии, качество логичности мышления зависит от качества восприятия, в котором можно различить три степени: 1) синкретичное восприятие (СВ), т. е. восприятие недифференцированное; 2) поверхностное восприятие (ПВ), т. е. восприятие лишь одного из наличествующих, эмпирически достоверных признаков; 3) альтернативное восприятие, т. е. восприятие всех эмпирически достоверных признаков в одной из двух его разновидностей: это альтернативно-императивное восприятие (АИВ), императивно предпочитающее один признак и отвергающее другой, и альтернативно-диспозитивное восприятие (АДВ), фиксирующее признаки как закономерно сосуществующие (подробнее об изложенном в настоящем абзаце – см. [7, с. 5–105]).

Совмещение перцептивных понятий СВ, ПВ, АИВ и АДВ с аргументационными понятиями ПЭВ и ЛО позволяет зафиксировать следующие закономерности: ПЭВ, опирающаяся на данные СВ, – ПЭВ(СВ) – обуславливает в значительной мере относительное ЛО (ОЛО); ПЭВ, опирающаяся на данные ПВ, – ПЭВ(ПВ) – обуславливает в меньшей мере ОЛО; ПЭВ, опирающаяся на данные АИВ или АДВ, – ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ) – обуславливает абсолютное ЛО (АЛО).

Если традиционный аргумент представляет собой ПЭВ(СВ)иОЛО (в ортологии это исключительный случай) или ПЭВ(ПВ)иОЛО, после его представления разъясняется, в чем состоит его противоречивость.

После описания противоречий традиционных аргументов предлагается новый аргумент, разрешающий указанные противоречия, – ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО.

Рассматриваемые в подтверждение нового аргумента примеры употребления изучаемых вариантов наречий взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Дополнительные, не вошедшие в состав аргументов, комментарии могут даваться в размещенных после примеров «примечаниях».

Результаты применения перцептивно-аргументационного метода дифференциации грамматических вариантов имеют следующий вид.

1. Морфологические варианты двух типов: *трое подруг, пятеро зайцев – три подруги, пять зайцев. Собирательные и количественные числительные при обозначении количества лиц женского пола и количества животных*

Традиционный аргумент-1 – аргумент к традиции без ЛО: собирательные числительные недопустимы при одушевленных существительных ж. р. и названиях взрослых животных [9: 139-140; 3: 262-264; 1: 190-195] (о долгом существовании такого предписания – см. [4: 357]).

Противоречие-1а: при указанных словах собирательные числительные возможны всё чаще.

Противоречие-1б: отсутствует объяснение отмеченной избирательности.

Традиционный аргумент-2 – ПЭВ(АДВ) без ЛО: собирательные числительные при одушевленных существительных ж. р. и названиях животных наблюдаются всё чаще [4: 357-358].

Противоречие-2: описано узуальное несоответствие традиционному аргументу-1, однако отсутствует объяснение этого несоответствия.

Новый аргумент – ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): собирательные числительные при одушевленных существительных ж. р. и названиях животных наблюдаются всё чаще потому, что с распространением познания на новые сферы действительности характеристики рода и принадлежности к животному миру не являются достаточными основаниями для невосприятия каких-либо количеств людей и животных цельными или партитивными.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры партитивной семантики:

Однажды, под вечер, три подруги гуляли в саду: Лодка с Розкой ходили по дорожкам между кустов одичавшей малины, а Паша, забравшись в кусты и собирая уцелевшие ягоды, громко грызла огурец. [Максим Горький. Городок Огуров (1909)]. Маркер представляет собой информацию о воспринимаемых действиях каждой из подруг, т. е. о партитивности их количества.

Но больше мне подходило полотно, где два лебедя плывут по голубому озеру навстречу друг другу. [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)]. Маркеры подчеркивают партитивность этого количества лебедей.

Дедуктивно доказательные примеры цельной семантики:

Да что вы думаете? – всех троих дочерей пристроил! [Б. К. Зайцев. Валаам (1936)]. Маркер указывает на количество дочерей как на одно целое.

Она все вытерпела, чтобы спасти своих братьев, семерых диких лебедей. [Юрий Вяземский. Про девочку Настю и злую Невидимку (1986)]. Маркер представляет собой признак, по которому лебеди объединены в одно целое.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры партитивной семантики:

Яна пригласила двух подруг из прежней жизни и отца с матерью. [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010]. Допущение: подруги приглашены по очереди, т. е. партитивно.

Перед домом был большой луг, спускавшийся до озера, и на озере всегда плавали два лебедя. [А. В. Левицкая. Воспоминания (1943)]. Допущение: эти лебеди воспринимались не как одно целое, т. е. партитивно.

Индуктивно допускаемые примеры цельной семантики:

Все три модели были в белых сабо, и двоим эти самые сабо были катастрофически малы. [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)]. Допущение: речь идет о малом размере сабо как о признаке, объединяющем двух из этих трех моделей в одно целое.

А Пиюся сумел из травы искалечить пулями ноги двоим лошадям, и они пали позади отряда... [А. П. Платонов. Чевенгур (1929)]. Допущение: эти лошади восприняты как одно целое, противопоставленное тем, кто не пал.

2. Синтаксические варианты типа *ряд/большинство/несколько/сто/более ста/около тысячи сотрудников курят – ряд/большинство/несколько/сто/более ста/около тысячи сотрудников курит*. Формы мн. и ед. ч. сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием

Традиционный аргумент (как объединение множества частных аргументов) – ПЭВ(ПВ)иОЛО: ед. ч. сказуемого возможно благодаря: ед. ч. слов *ряд, большинство*, пассивности подлежащего или сказуемого, близости сказуемого к подлежащему, препозиции сказуемого, совместности действия подлежащих, указанию сказуемым на факт наличия, существования, стремлению обратить внимание на количество, названное в подлежащем, а также книжности; мн. ч. сказуемого возможно благодаря: наличию при словах *ряд, большинство* постпозитивного определительного оборота с главным словом – причастием или прилагательным, а также однородных зависимых существительных в форме мн. ч., удаленности сказуемого от подлежащего, актив-

ности подлежащего или сказуемого, раздельности действий подлежащих, выражению сказуемого кратким прилагательным, постпозиции подлежащего, а также разговорности [2, с. 223–226; 9, с. 196–200; 4, с. 33–39; 3, с. 374–377; 11, с. 191–193; 1, с. 237–246].

Противоречие (обобщение): указанные факторы и неравнозначны, и отчасти пребывают в отношениях взаимной зависимости: во-первых, при таких факторах, как ед. ч. слов *ряд*, *большинство*, препозиция или постпозиция сказуемого, стремление обратить внимание на количество, названное в подлежащем, краткость сказуемого-прилагательного, книжность или разговорность, допускается употребление обеих форм числа сказуемого, что свидетельствует о неуниверсальности этих факторов; во-вторых, такие факторы, как не имеющийся или имеющийся при словах *ряд*, *большинство* постпозитивный определительный оборот с главным словом – причастием или прилагательным, а также не имеющиеся или имеющиеся неоднородные зависимые существительные в форме мн. ч., являются маркерами совместности или раздельности действия подлежащих, а также фактов наличия, существования либо активности подлежащего или сказуемого, указанных в качестве отдельных факторов ед. или мн. ч.; в-третьих, такие факторы, как близость сказуемого к подлежащему или удаленность от него, являются показателями наличия или отсутствия указанных и других возможных маркеров ед. или мн. ч. Логическим следствием описанной асистемности в представлении дифференцирующих факторов является отсутствие единого критерия дифференциации рассматриваемых вариантов числа сказуемого.

Новый аргумент – ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): формы ед. и мн. ч. сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием, различаются как показатели цельности и партитивности количества, выраженного управляемым существительным (такое понимание с применением терминов «целое», «единое», «совокупность» и «обособленное», «самостоятельное», «расчлененное» в отдельных случаях можно видеть соответственно в [2, с. 224; 11, с. 193–194; 1, с. 240]), что подтверждается маркерами, в том числе указателями совместности или раздельности действия и пассивности или активности, не делающими или делающими заметным (воспринимаемым) количество, выраженное управляемым существительным (см. об этом также [7, с. 111–117]).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры партитивной семантики:

Целый ряд компаний – «АвтоВАЗ», ОАО «Иркутское авиационное производственное объединение» (ИАПО) и другие обкатывают механизмы заимствования на вексельных программах. [Юлия Ефимова. *Облигация векселю не помеха (2002)* // «Финансовая Россия», 2002.09.19]. Маркер представляет собой перечисление частей описываемого ряда компаний.

Большинство тех, кто ранее жил в других местах, приехали с родителями в 1994–1997 гг. или 2000–2001 гг. ... [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Роцина. *Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004)* // «Человек», 2005]. Маркер указывает на множественность составляющих большинство, т. е. на партитивность большинства.

Дедуктивно доказательные примеры цельной семантики:

Но в зале сидело только несколько студентов и вдалеке, в тени возле двери, четверо офицеров... [Владимир Корнилов. *Демобилизация (1969–1971)*]. Маркеры подчеркивают факторы, затрудняющие восприятие раздельности количества: неподвижность и трудноразличимость.

Для уменьшения дерева перебора при глубокой рекурсии рассматривается только два варианта... [Комплекс алгоритмов и программ расчета гильотинного раскроя // «Информационные технологии», 2004]. Маркер представляет собой отграничение этих двух вариантов от остальных, реальных или возможных, благодаря чему эти два варианта воспринимаются как одно целое.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры партитивной семантики:

Несколько уважаемых членов Совета по национальной стратегии предпочли от документа публично отречься [Иосиф Гальперин. *Власть «делом» занимается (2003)* // «Совершенно секретно», 2003.08.09]. Допущение: речь идет об отречении каждого из нескольких членов, количество которых, таким образом, воспринимается партитивно.

Кружился снег, на мягких лапах плавно скользили зайцы, и сто рыжих лампочек освещали это торжество [Сергей Козлов. *Правда, мы будем всегда? (1969–1981)*]. Допущение: имеется в виду свет каждой лампочки отдельно, т. е. количество лампочек воспринимается партитивно.

Индуктивно допускаемые примеры цельной семантики:

С начала космической эры более двадцати космических аппаратов работало в окрестности, в атмосфере и на поверхности планеты. [обобщенный. Вступление к статье Д. Титова // «Наука и жизнь», 2006]. Допущение: имеется в виду констатация факта такой работы, выполненной совокупностью космических аппаратов.

... известно уже около тысячи рентгеновских двойных систем в нашей и ближайших галактиках [А. М. Черепашук. *Поиски чёрных дыр* // «Вестник РАН», 2004]. Допущение: констатируется факт известности таких систем в их цельной совокупности.

3. Синтаксические варианты типа план по производству автомобилей – план производства автомобилей, центр по подготовке специалистов – центр подготовки специалистов. Конструкции существительного, управляющего процессуальным Д. с предлогом *по*, и существительного, управляющего процессуальным Р. беспредложным

Традиционный аргумент – ПЭВ(ПВ)иОЛО: конструкции существительного, управляющего процессуальным Р. беспредложным, и существительного, управляющего процессуальным Д. с предлогом *по*, разли-

чаются как имеющие конкретное и общее значение процесса, названного управляемым существительным [4, с. 58–61].

Противоречие: термины «конкретное значение» и «общее значение» могут быть поняты как конкретное значение и абстрактное значение, что не соответствует алгоритму дифференциации таких конструкций.

Новый аргумент – ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): конструкции существительного, управляющего процессуальным Р. беспредложным, и существительного, управляющего процессуальным Д. с предлогом *по*, различаются как показатели цельности и партиитивности процесса, названного управляемым существительным.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры партиитивной семантики:

*Несколько недовыполнен **план по производству синтетических смол, шелка искусственного для корда, трансформаторов силовых, кирпича строительного, сборного железобетона, хлопчатобумажных тканей, радиоприемников и радиол, синтетических мощных средств, добычи торфа топливного.** [Твердая поступь пятилетки (1966) // «Сельская газета», 1966.10.22].* Маркер представляет собой перечисление предметов, способы производства которых разнятся. Следовательно, речь идет о производственном плане, разделенном на виды.

*...кроме чисто военных занятий мы строили учебный **центр по подготовке подводников...** [Л. З. Зорин. Морская платформа судьбы Владимира Вовка (2004) // «Газовая промышленность», 2004.07.28].* Маркер называет моряков, которые неоднородны по функциям, выполняемым ими на подводной лодке, т. е. представляет собой партиитивную информацию.

Дедуктивно доказательные примеры цельной семантики:

*Ничего не мешало нам выполнить и первоначальный **план производства – почти одиннадцать тысяч автомобилей в 2003 году.** [Дмитрий Федечкин. Вячеслав Несчастный: «Производства должны прийти к выпуску конечного продукта» (2004) // «Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.01.17].* Маркер подчеркивает производство одного вида продукции, т. е. демонстрирует ситуативную цельность этого плана.

*...мы должны обратиться в Информационный **центр подготовки празднования 850-летия Москвы.** [Рус-там Арифджанов. Великое татаро-монгольское шествие (1997) // «Столица», 1997.07.15].* Маркер представляет собой информацию об одном, цельном, явлении, которым занимается центр.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры партиитивной семантики:

*Доказано уже, что за сутки у нас в мозгу должно произойти определенное число «сновидческих» разрядов, мозг как будто стремится выполнить **план по производству сновидений.** [Владимир Леви. Искусство быть собой (1973)].* Допущение: речь идет о производственном планировании не одного и того же сновидения, а сновидений разного содержания, т. е. такой план воспринимается партиитивно.

*В Твери сформирован учебный **центр по подготовке личного состава для участия в миротворческой операции в Косово.** [Александр Чуйков. Паркетный маневр. Анатолий Квашнин зашел с запада (2001) // «Известия», 2001.08.22].* Допущение: военнослужащие, входящие в такой личный состав, могут принадлежать к разным родам войск и иметь разные военные специальности, то есть воспринимаются партиитивно.

Индуктивно допускаемые примеры цельной семантики:

*...ничего хорошего из этого не получилось, **план производства материала был сорван.** [А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)].* Допущение: речь идет о производстве материала одного вида, т. е. производство понимается цельно.

*При сомнительных доходах от этого они получают массу лишних проблем: ведь необходимо будет создавать **центр подготовки кадров, организовывать систему контроля за качеством блюд и уровнем обслуживания.** [Евгения Ленц. Рыба в виде птицы (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.30].* Допущение: речь идет о кадрах одного профиля, что свидетельствует о цельности такой подготовки.

Примечание. В тех случаях, когда управляемое процессуальное существительное имеет семантику разности или направленности действия только на один объект, конструкция с *по* невозможна, что лишний раз подтверждает доказательность «нового аргумента». Так, в НКРЯ имеется 36 вхождений сочетания *план побега* и 10 вхождений сочетания *план завоевания* (Германии, Сибири, мира и т. п.), но нет ни одного вхождения **план по побегу* и **план по завоеванию* (дата обращения – 29.12.2013).

Таким образом, можно говорить о том, что применение перцептивно-аргументационного метода дифференциации грамматических вариантов позволяет предупреждать субъективность кодификации в сферах грамматической вариантности разных языков и дает основания для интеграции таких вариантов по совпадающим дифференциальным признакам независимо от их уровневой принадлежности в грамматике.

Литература:

1. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю. А. Бельчиков. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 424 с.
2. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1952. – 336 с.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 8-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2007. – 448 с.
4. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2001. – 557 с.
5. Ивин А. А. Теория аргументации: Учеб. пособие / А. А. Ивин. – М. : Высшая школа, 2007. – 319 с.

6. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс / Дж. Лайонз / пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
7. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / С. Л. Попов. – Харьков : НТМТ, 2013. – 150 с.
8. Попов С. Л. Перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов (на материале русского языка) / С. Л. Попов // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур: Пам'яті академіка Леоніда Булаховського: Збірник наукових праць. – Випуск 24. – Київ: Освіта України, 2014. – С. 172-182.
9. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. – 4-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1977. – 316 с.
10. Семенюк Н. Н. Норма / Н. Н. Семенюк // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М. : Наука, 1970. – С. 549–596.
11. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений / Г. Я. Солганик. – 4-е изд., стер. – М. : Издательский центр «Академия», 2010. – 304 с.